

Петренко Алексей Вас.

1985/XX

14 ДЕК 1985

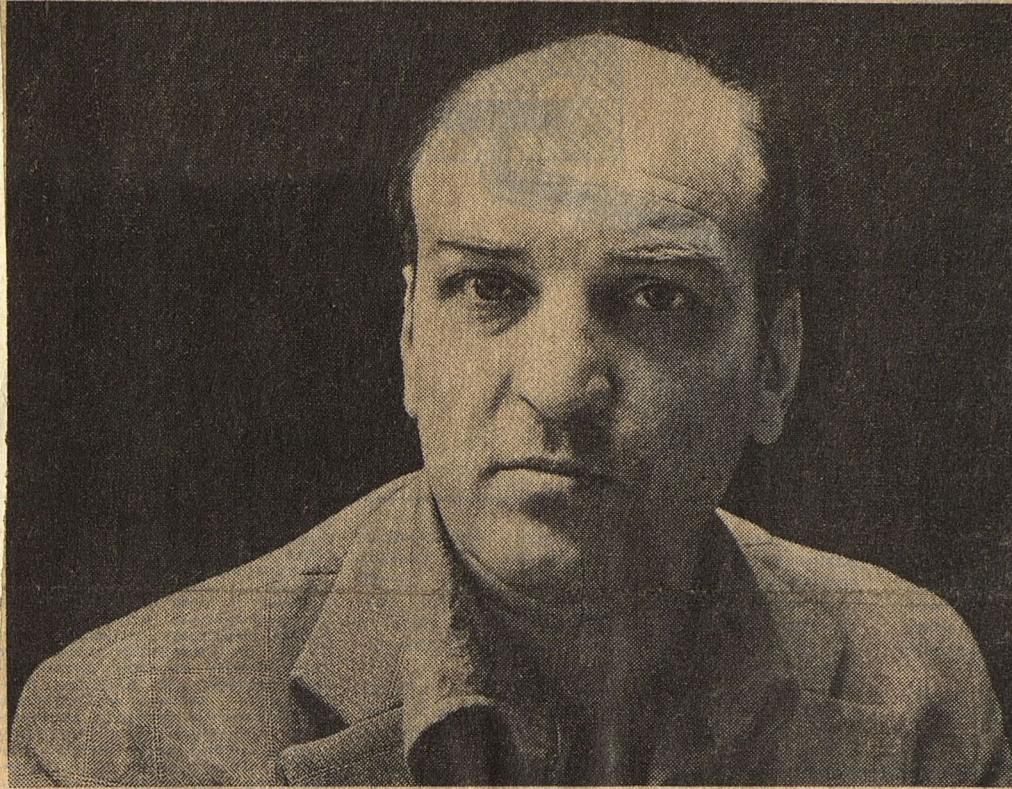
Социалистическая индустрия

Будить совесть

Петр I в фильме «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», директор школы в кинокартине «Ключ без права передачи», Степан Кулакин в «Беде», банкир-дьявол

в «Необыкновенном пари» и еще многие роли стали любимы зрителю благодаря актеру Алексею Петренко. Столь же интересны его работы на сцене МХАТа.

Встреча с интересным человеком

Актер Алексей Петренко

— Алексей Васильевич, как складывалась ваша судьба — актерская и человеческая, потому что, видимо, их разделять нельзя.

— И не надо делить. И актер, и человек — это всегда продолжение одного в другом. Но лучше всего о моей судьбе рассказывает моя трудовая книжка и записи в ней, сделанные в разное время. Вот, например, слесарь, матрос, молотобоец, и наконец, после учебы в вузе — актер. Актером, как видите, я стал не сразу. Два раза ездил в Киев в театральный институт и оба раза возвращался, несолоно хлебавши. Всегда это было одинаково: отец давал мне денег на дорогу, но я не говорил, куда еду поступать. Почему? Думаю, что отец тогда бы не субсидировал мои поездки.

Возвращался я из Киева и шел работать. Сидеть на шее родителей для меня было всегда непонятной «роскошью». Расходы, связанные с моими неудачами, для них и без того были тяжелы... Вот так начиналась моя карьера рабочего. Хотя работать я стал много раньше: еще участь в школе, пас коров — был пастухом, как, впрочем, многие люди моего поколения. Сейчас в этом видят романтику и даже подвиг. А тогда была просто необходимость и работа.

— В одной из бесед вы обронили фразу о том, что если бы не стали актером, так были бы молотобойцем. Почему именно молотобойцем?

— Я работал среди кузнецов. В большинстве это народ очень серьезный, интеллигентный.

Я преклоняюсь перед этими людьми, они дали мне ничуть не меньше, чем мои коллеги-актеры. Я имею в виду для моей теперешней профессии. Многим и, может быть, самым лучшим образом я Морозу, Зубковскому, Иващенко и другим людям, которых встретил среди кузнецов.

В третий раз я поехал поступать уже в Харьков. И тут мне повезло. Я говорю повезло всякий раз, когда вспоминаю встречу с хорошим, настоящим человеком, даже если он мне и не смог помочь. Скажем, не было нужды в такой помощи. Даже если я ему помог, то мне тоже повезло. В Харькове я встретил известного театрального деятеля Григория Карповича Ольховского. Он послушал меня и говорит: «Иди к Марье Андреевне — нашей библиотекарше — и попроси у нее стихи...»

Она знает, что тебе дать. Выучи за ночь и завтра приходи ко мне». Я так и поступил. Выучил, рассказал. Он послушал и повел меня к экзаменаторам и сказал им: «Шо хочется робить, а щоб цей хлопчик у мене був. Я хочу его вчиты...»

Вот так началась моя профессия актера.

Учился А. Петренко на курсе народного артиста СССР Марьяненко. И о нем Петренко говорит с тем же благоговением и признательностью. Вообще это чувство благодарности, почти детской, очень развито у Алексея Васильевича.

Алексей Петренко и в жизни такой же выразительный, вышуканный человек, как и на сцене. Есть люди, на которых

даже если они молчат. Смотрят серьезно, сосредоточенно. У него мускулистые руки, крепкое тело. И легко представить, как он «играл» кувалдой. В глазах то спокойное, пристальное выражение, что бывает у людей, работающих с горячим металлом. Там не посуетишься, там всякое движение должно быть рассчитано, потому что, как говорит Петренко: «по горячему два раза не ударишь...»

— А что такого? Иной раз, занимаясь каким-нибудь конкретным рукотворным делом — плотницким ли, крестьянским, — я думаю, что мог бы прожить и без актерского ремесла...

Кинорежиссер Владимир Мотыль понимающе улыбается на его слова.

— Такой уж он человек. И ведь замечательно, что именно не ювелиром или часовым мастером хотел стать. Не бухгалтером, а молотобоем, потому что там вполисы нельзя. Надо выкладываться. А не выкладываться он не может. Я всякий раз, репетируя с ним, поражаюсь его взрывной силе, его энергии. Как сконцентрированная энергия лазера, вырывается из него мощная, захлестывающая все вокруг сила. Но при одном условии — если он поверил в то, что все происходит вокруг всерьез: так было или так должно быть. Ему надо создать атмосферу той действительности, в которой он будет играть. Все. Остальное он делает сам и делает великолепно.

И, как бы продолжая мысль режиссера, сам Алексей Ва-

сильевич говорит об актерской профессии:

— Мастерство в нашем деле — это прежде всего строительство внутреннего мира...

Строительство это бесконечно в жизни А. Петренко. Об этом невольно думаешь, когда видишь в квартире мебель, сделанную руками актера. Она прекрасно вписывается в современный интерьер, ничуть не противоречит ему. И это на первый взгляд непостижимое сочетание двух стилей потом становится понятно: все, что одухотворено руками талантливого человека, естественно и прекрасно в любом интерьере.

Из окна виден памятник Гоголю. Во дворе дома, всего в нескольких минутах ходьбы от Калининского проспекта, как будто на минутку присел в задумчивости великий писатель. Мне кажется, он слушает шум огромного города. Слушает и умает что-то...

Видимо, от близости к рабочим людям, от их врожденной и естественной простоты у А. Петренко так развито чувство собственного достоинства, чувство отвращения ко всякой фальши. Он может отказаться от самой выгодной роли. Во вред себе ушел из театра, ведь там он виден был зрителю каждую неделю, а в кино его снимают раз-два в год. Но А. Петренко не может сниматься сразу в нескольких фильмах.

— Алексей Васильевич, почему у вас в репертуаре нет производственной тематики? Кому, как не вам, человеку, имеющему дело с физическим трудом, исполнять роль рабочих, сталеваров?

— Я не верю, что рабочие нуждаются в советах, как им надо работать. Чтобы решать «производственную» тематику, совсем не надо, мне кажется, изображать только сталеваров или директоров предприятий. Надо показывать людей честных, талантливых. А то ведь актеры так серьезно играют сталеваров, что кажется иной раз, будто они хотят научить зрителей варить сталь... Надо же учить быть людьми. Эта самая трудная профессия на земле. А сталь варить, хлеб расстить — это уже, как ни парадоксально, дело все-таки второе.

У Антона Павловича Чехова в одном из рассказов ходит ночной сторож и стучит молоточком. Так и в мире — среди людей должен кто-то ходить и будить совесть, чтобы не спала она в человеке. Этот персонаж почему-то мне всегда жил представляемся, и до сих пор он мой любимый герой...

— Этот персонаж, без имени, так сказать, образ Человека, представляется и мне, когда я вижу А. Петренко на сцене, — сказал в заключение В. Мотыль. — Даже когда Алексей Петренко представляет нам на сцене зло, вид зла, образ зла — то и тогда силой своего таланта он творит добро, показывая нам: смотрите, люди, вот к чему приводят ваша слабость перед злом, ваше равнодушие перед низостью, ваше безвоздие к насилию. Смотрите, люди! Это постоянно как бы кричит со сцены А. Петренко. И мне кажется, что это самая главная и сильная его притягательность...

Беседу вел
А. МОСТОВОЙ.